

систематически, словно бы она составлена по определенному плану. Но у раннехристианских писателей такого плана не было, а если и был, то касался он не учения, а того предмета, к которому он был посвящен тот или иной труд. Названия раннехристианских трудов прямо и непосредственно вводили в суть данного предмета (скажем, в защиту христиан), и это значило поступать при исследовании этой сущности именно по-философски, то есть, «соблюдать правду в словах и поступках своих, хотя бы угрожала смерть» {Иустин Философ. Апология I // Ранние отцы Церкви. С. 272}. Философствование, по Юстину (Иус-тину), есть условие для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, требующее и углубленного обсуждения, и широкого обобщения. «Если правители и народы не будут философствовать, то гражданские общества не могут благоденствовать» (Там же. С. 273). Заключение апологета о презрении к смерти, «которой бы надлежало убежать» [«...Ибо какой распутный и невоздержный, почитающий за удовольствие есть плоть человеческую, может охотно принять смерть, чтобы лишиться своих удовольствий? Не будет ли он, напротив, стараться всячески продолжить свою настоящую жизнь и скрываться от властей, а не объявлять о себе для осуждения на смерть?»] {Иустин Философ. Апология II // Ранние отцы Церкви. С. 357}], можно назвать своеобразным этическим доказательством бытия Бога. «Если это не так, то Бога нет, или если есть, то Он не печется о людях, то и добродетель, и порок — ничто» (Там же. С. 354). Такого рода этическое доказательство ведет к тому, что человек, назвавший себя христианином, бескомпромиссен в философском выборе, даже если и можно найти некоторые сходства между «учением Платона» и «Христовым учением». Признание сходств не означает их сближения, Юстин говорит здесь о другом. Сходства, полагает он, означают предвестие идеи Христа в чутких умах, к примеру Сократа или Гераклита, прорастая сквозь ненадежные учения. И только окончательно познав истинное Слово, можно принести за него жертву — вот основная мысль Юстина. Сходства и подобия — основные свидетели его решительности, основанные на строгом рассуждении. Нежелание признавать других богов не есть нежелание религиозное, одна религия способна оградиться от другой своим миром. Это бескомпромиссность философского свойства, обнаруживающая философскую укорененность в самой вере. Старания Юстина найти сходства с языческой философией проистекают из идеи преемства мысли и единомыслия, поскольку любая человеческая мысль,

599

Примечани

подчеркивает он, причастна Слово. При этом возвешение истины может быть не связано ни с какими доказательствами, если возвещающие ее, пророки, видели и верили в нее. Эти люди «в своих речах не считали нужным давать доказательства, будучи выше всякого доказательства как достоверные свидетели истины, потому что прошедшие и настоящие события подтверждают истинность их слов» (Там же. С. 261—262). Вследствие этого философию Юстина можно определить как философию свидетельства. Без свидетельства отныне любое мышление почитается пустым. Только при согласовании практической жизни духа и умозрения вообще возможен разговор «о начале и конце вещей». Практика духа становится непременным условием истинности рассуждений. Истинно рассуждающий должен не в воображении, а действительно любить этих свидетелей, в противном случае его рассуждения ложны и не имеют смысла, ибо они не подкреплены действенным участием души в акте познания, готовностью этой души к жертве за мысли и произнесенные слова. Это и есть «верная и полезная философия» (Там же. С. 212), дающая возможность и для широких обобщений, и для углубленного обсуждения.

*** Ср.: Иустин Философ. Апология II // Ранние отцы Церкви. С. 351.